

УДК 81

ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НА АРАБСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Фалих М. Насер,
доцент,
Аль-киتاب университет

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены некоторые малоизученные аспекты дипломатического дискурса на материале идей арабских и российских ученых о скрытых противоречиях официально-деловых коммуникативных практик. В статье впервые показано, что соотношение правды деталей и общего искривления коммуникативной картины мира в дипломатическом дискурсе делает его источником когнитивного диссонанса и порождает языковые амбивалентности, негативно влияющие на ход переговоров. Взгляды и теории современных лингвистов помогают понять особенности стиля дипломатических текстов, соединяющих ритуал (стандарт) и креатив (новацию) в условиях глобализации и активизации межкультурной коммуникации. Влияние западной традиции не отменяет стремление арабов сохранить свои традиции в ведении переговоров, что и обуславливает оригинальность дипломатического дискурса в Ираке. Сделаны выводы о необходимости усиления этического давления на официальную коммуникативную стратегию государства с целью ограничить зоны распространения дезинформационных дискурсов и влияние политической пропаганды. Изучение противоречий терминосистемы дипломатических речевых жанров позволяет сделать вывод о пользе влияния арабо-мусульманской культурной традиции на лексику и общестилевую декоративность дипломатических текстов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ирак, когнитивный диссонанс, коммуникативная картина мира, дипломатический дискурс, термин, терминология, конфликт объективности и субъективности, истина и ложь в языке дипломатов, противоречия в дипломатическом дискурсе и государственной пропаганде, влияние арабской культуры, ислам.

FEATURES OF DIPLOMATIC DISCOURSE IN THE ARABIC AND RUSSIAN LANGUAGES (LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECTS)

Falih Mohsin Naser,
Docent,
Al-Kitab University

ABSTRACT. The article deals with some underestimated aspects of diplomatic discourse scrutiny in the context of Arab and Russian investigations devoted to hidden contradictions of official communicative practices. It is stated in new-onset data of the article that correlation of truthful details and general distortion of communicative world outlook in diplomatic discourse generates cognitive dissonance and language ambivalence that brings forth negative consequences during negotiations. Theories of contemporary authors help to grasp peculiarities of diplomatic texts combining ritual (standard) and creativity (novelty) under conditions of globalization and cross-cultural communications. Western influence doesn't reject Arab nations' inclination to preserve traditional ways of negotiating, preconditioning originality of diplomatic discourse in Iraq. The conclusions are drawn about necessity of ethic pressure on official diplomacy by finding ways of discouraging falsehood language zones and restraining disinformation discourses in political propaganda during international relationships debates. Terminology studies allow us to conclude that Arab Islamic cultural impact on diplomatic discourse decorative style and lexical strictness is useful in general and is of great help to diplomats.

KEY WORDS: Iraq, cognitive dissonance, communicative world outlook, diplomatic discourse, term, terminology, subjectivity and objectivity conflict, truth and falsehood in diplomatic discourse, contradiction in diplomatic discourse and state propaganda, Arab Islamic cultural impact, Islam.

В ведение
Дипломатический дискурс (далее – ДД) привлекает внимание различных ученых – лингвистов, теоретиков массовых коммуникаций, политологов и др.

В лингвистике изучение ДД часто связано с использованием традиционных лингвокультурологических, когнитивных и коммуникативных подходов, но нередко ДД изучают психологи, социологи и другие представители гуманитарного знания, что

убедительно свидетельствует о популярности междисциплинарного рассмотрения языка дипломатии. Немало работ посвятили этой теме и арабские ученые-гуманитарии: Фараг Муса, Обид Нева, Х. Мубарак, Сами Ас-Сейид, Авад Ахмед Мохаммед, Аль-Бадави А.М., Аднан Амер, Аль-Фихри А.А., Эль Сабрути Р.Р. и др. [1; 2; 3; 19]. Языку дипломатов, который отличается особой, устойчивой и жесткой структурой речевых жанров, присуща тяга к логичности и ясности, к стандарту формулировок, вежливости в стиле изложения и т.д., а для исследований ДД характерна связь с теориями языковой личности, которые в работах ученых иногда допол-

няются идеями коммуникативистики, интерпретативного интеракционизма (Дж. Мид, Г. Блумер и др.), а также концепциями современной психологии и социолингвистики. Появилась отдельная отрасль науки о языке – политическая лингвистика, которая органично взаимодействует и нередко прямо соприкасается с практикой PR («паблик рилейшнз» или «связей с общественностью»), с политической риторикой и лингвокультурологией, особенно в сфере межкультурной коммуникации [12; 13; 17; 19].

Любой коммуникативный процесс, в частности любой политический дискурс, как известно, конструирует картину мира, в которой объективное начало нельзя отделить от субъективного, что заметно и в ДД, где субъективность проявляется в отборе материала, в умолчаниях и скрытности дипломатов. Лицемерие и «белая ложь» не осуждаются открыто. Строгость деловой аргументации, опора на доказуемые факты в официальных документах, точность терминологии ещё не означают адекватности воссоздаваемого образа действительности, так как дипломатия, базируясь на фактах и конкретике документально подтверждённых аргументов, не исключает эмоционально-субъективных оценок и предвзятых подходов к событиям, по умолчанию язык ДД уклончив и эзотеричен. Правда и точность деталей не являются гарантией истины в ДД, который, будучи частью более широких политических коммуникаций, не может не отражать стоящую за языковыми явлениями действительность, но в то же время тексты, составляющие основу ДД, могут служить пропагандистским целям властных структур в любой стране. В текстах дипломатов, как и в политических, юридических и прочих текстах, язык служит не только целям поиска истины, но и способом ухода от неудобной правды. Любой коммуникативный дискурс, как известно, конструирует картину мира, в которой объективное начало нельзя отделить от субъективного, что заметно и в ДД, особенно если взять корпус официальных документов. Это тексты, базой которых выступает мир «публичной дипломатии», т.е., в первую очередь, той сферы международных отношений, которая включает в себя, например, «программы, финансируемые правительством, направленные на информирование и оказание воздействия на общественное мнение в других странах» [12, с. 32; 9], при этом полностью охватывает «совокупность политических, экономических, дипломатических, военных, культурных, научно-технических и других связей и взаимоотношений между народами, между государствами и объединениями государств» [14, с. 33], по природе амбивалентны, т.к. в данной сфере речевой коммуникации, как и в деятельности почти всех дипломатов, истина не является абсолютной ценностью, она уступает место политическим ценностям, порожденным конкретными интересами правящих элит. Дипломатические действия и тексты, помогающие создать позитивный образ страны, как и рекламные тексты, предполагают идеализацию «товара», т.е. внешнего имиджа государства. Создается объективное противоречие, формирующее систему ЯСЦ. Этим обстоятельством и объясняется актуальность научной тематики, связанной с изучением ДД, с описанием процесса медиатизации государственной политики, с имиджмейкингом и значением теории языка для формирования в СМИ объективной и нужной для публики картины действительности, как она видится властным структурам страны, которую представляет дипломат. Это и есть главный принцип функционирования современного ДД. Публичность как идеал ДД и дипломатическая

практика нередко вступают в конфликт, но этот конфликт интересов, на наш взгляд, не должен препятствовать поиску стратегий воздействия на умы аудитории. И СМИ в этой ситуации являются основным рычагом такого влияния.

Цель данной статьи – проанализировать социокультурную и лингвокультурологическую составляющие ДД, исходя из принципа объективной кооперации науки о языке и медийной деятельности правительственных структур, озабоченных укреплением позитивных имиджей государства на международной арене. Сравнение опыта Ирака и России, думается, сегодня особенно злободневно, так как проблемы дипломатического языка связаны не только с решением конфликтных политических вопросов в международных отношениях, но и с развитием «народной дипломатии», для которой более характерны горизонтальные связи, культурные обмены, «мягкая сила» гражданского общества, демократические процедуры открытого медийного пространства. Для исследований в данной сфере деятельности актуальна взаимосвязь лингвокультурологии и медиалингвистики в условиях глобализации и общей либерализации коммуникативных процессов.

Используя метод сравнительного анализа, основанный на сопоставлении языковой природы ДД с иными дискурсами, сравнивая ДД в разных культурах, мы опирались на идеи таких авторов, как Баладина Л.А., Концевая Н.А., Кураченко Г.Ф., Стернин И.А., Терентий Л.М., Фарафонов Л.Г., Сааран Махмуд, Ахмед М.Ш., Трabelси Хаифа, Цзи Кайси и др., которые в свою очередь развивали идеи таких классиков лингвистики, психологии, коммуникативистики и политологии, как Арнольд Э., Арутюнова Н.Д., Бенвенист Э., Дейк Т.А. ван, Демьянков В.З., Караулов Ю.Н., Кубрякова Е.С., Леонтьев А.Н., Пратканис Э.Р. и др. Для большинства арабских теоретиков (Абдулла Салем Бен Ламлас, Аль-Наггар Салим Омар, Атеф аль-Абд, Фаузия аль-Али, Махмуд-Иль ад-Дин, Мухаммед Али аль-Увейни и др.) дипломатические связи и взаимодействие Востока и Запада остаются не только важнейшим культурным диалогом, ведущим к усилению дружеских связей, но и нередко коммуникативным конфликтом и когнитивным диссонансом, столкновением непримиримых мнений, в частности магистральной линией для многих стран, которую можно охарактеризовать как борьбу против «американизации» дипломатии [2, с. 36]. Авад Ахмед Мохаммед, опираясь на работы Я. Засурского и А. Ибрагимова, в своей диссертации «Особенности развития СМИ арабских стран в условиях глобализации на рубеже XX–XXI вв.» подчеркнул, что «противостояние культур не должно стать преградой к торговым и другим контактам» [2, с. 42]. Ученый указал на роль журналистики в становлении «народной дипломатии» [2, с. 43]. Он подчеркнул также роль интернета как способа укрепления кооперации между развитыми и развивающимися странами» [2, с. 47]. Арабские исследователи Авад Ахмед Мохамед, Ахмед Абд ар-Рахман, Ибрахим Нафиа, Мухаммед Али аль-Увейни, Мухаммед Али Хават, Мухаммед Рауф Хамед, Сихам Ан-Нассар, Турки аль-Хамад и другие изучали вопросы взаимодействия СМИ и дипломатии, но на примерах других арабских стран, а не Ирака. Данные авторы отметили связь дипломатического общения с устойчивыми формулами арабской народной культуры, с исламской традицией решения конфликтов в ходе долгих переговоров и мирных дискуссий. Российские ученые, говоря о Востоке, подчеркивают противоречия в освещении политических конфликтов,

говорят о «засильи манипуляций» в официальных СМИ [1; 5; 19]. Все эти мнения свидетельствуют о практическом значении изучения ДД. Первый вопрос нашего исследования, который представляется особенно актуальным, связан с анализом функционирования ДД в контексте изучения языка дипломатии и языка СМИ.

Дипломатический дискурс и язык официального общения: роль противоречий в дипломатических текстах

В системе политических коммуникаций (ПК) и в структуре ДД ощутимо своеобразие письменного и устного общения дипломатов, которое имеет такие специфические черты, как лапидарность, толерантность, вежливость, уклончивость, повышенная коммуникативно-прагматическая направленность, связанная с понятием «успешности» (обычно это успешность переговоров). Отмечена в работах о ДД устойчивость системы речевых жанров и невербальных коммуникативных единиц, например, наличие стереотипов поведения на дипломатических приемах, статусно-ролевые клише, стереотипность в устных беседах, жанрово-стилевая «формульность» в текстах выступлений, языковая точность и повторяемость мысли в стиле документов – писем, нот, меморандумов, коммюнике и т.п. Личность дипломата при всей строгости поведенческих норм может существенно влиять на ПК, на поток коммуницирования во время переговоров. Важны в этом случае невербальные формы общения: интонация, мимика, физические движения, действия ритуального характера. При этом, как заметил французский лингвист К. Ажеж, язык служит «потаенным источником власти» [4, с. 192], он «позволяет использующим его оказывать непосредственное воздействие на ход событий» [4, с. 239]. Особенно важен в этой ситуации язык для специальных целей (ЯСЦ), профессиональный жаргон узких специалистов, важны термины в каждой отрасли знаний. Как отметил теоретик Л. Терентий, также релевантны «взаимоотношения дипломатического дискурса и дискурса масс-медиа... главной причиной сближения этих видов дискурсов является стремление современной дипломатии к демонстрации открытости, с одной стороны, и увеличению числа средств массовой информации – с другой, а также то влияние, которое они оказывают на формирование общественного сознания» [16, с. 203]. Массмедиа, выступая как «зонтик» для многих дискурсов, способствуют взаимодействию политической коммуникации с другими видами массовой коммуникации – юридической, социокультурной, научной, эстетической и т.д. Для успешности «народной дипломатии» принципиальным условием является публичность, открытость сторон для диалога, причем СМИ служат самой эффективной площадкой межкультурной коммуникации. Язык СМИ, стиль медийных текстов (МТ) более понятен массам, чем дипломатические протоколы. Избиратели говорят языком газеты, что влияет и на язык ДД, делая его более полемичным и публицистичным. Как писала психолингвист Е.А. Вебер, «целью дипломатического дискурса является бесконфликтное разрешение противоречия средствами выражения специфических стратегий, при помощи которых участник дипломатического дискурса с высокой прагматической активностью в дипломатическом общении (дипломат) способствует снижению когнитивного диссонанса и находит компромисс для разрешения противоречия» [9, с. 30]. Журналистика и политический пиар органично входят в структуру дипломатической деятельности. Когнитивный диссонанс, чаще всего вызываемый противоречием объективного и субъек-

тивного, истины и целесообразности, идеала и реальной практики в отношениях государств, в языковой структуре ДД, может быть сбалансирован принципиальностью сторон в следовании нормам международного права, а также открытостью основных акторов в сфере внешней и внутренней политики. ДД намеренно неоднозначен, чему способствует сложная система эвфемизмов, приемов выбора двусмысленных фраз, тактика умолчания, ухода от прямого ответа, распространение косвенно-оценочных суждений. Об этих противоречивых сторонах ДД надо сказать отдельно, т.к. они часто становятся барьером на пути к пониманию во время переговоров.

Языковое воплощение противоречий дипломатического дискурса в Ираке и РФ. Роль терминологии в дипломатическом языке

Язык, формируясь под многовековым влиянием национального мышления, в то же время непосредственно влияет на ментальность народов, на эволюцию общественного сознания, поэтому анализ ДД не может миновать специфику арабского языка. Наследие арабо-мусульманской культуры в наши дни пришло в столкновение с новациями англосаксонского влияния и естественным путем возникла ситуация тройного языкового взаимодействия – в ДД Ирака, как и в большинстве стран Арабского Востока, сосуществуют три лингвистических вектора: французский, арабский и английский. Наиболее распространенный недостаток арабской дипломатической терминологии – обилие терминологических дублетов – объясняется стихийным и несогласованным введением их в речевую практику. Для одного и того же понятия накапливается ряд терминов: 1) официальные термины, утвержденные и созданные организациями; 2) термины, созданные и используемые переводчиками; 3) термины, используемые специалистами-практиками в деловом общении. По множеству причин арабскую дипломатическую терминологию следует рассматривать как еще только формирующуюся, находящуюся в процессе образования и становления, что неизбежно ведет к многочисленным противоречиям и неупорядоченности» [12, с. 106; 13].

Языковая ситуация в арабском мире, как мы знаем, характеризуется функционированием двух основных форм арабского языка: арабского литературного языка, восходящего к классическому арабскому языку и являющегося общепринятым средством письменного общения, используемым в том числе и в периодической печати, и так называемых арабских диалектов (или арабских диалектных языков), которые специфичны для разных стран или некоторых регионов и представляют собой основное средство устного общения, используемое в быту, в устных формах искусства, в передачах радио, телевидения и в художественных произведениях. Характер взаимоотношений этих форм языка существенно изменился под воздействием социально-политических преобразований после Второй мировой войны» [18, с. 102]. Волна изменений, связанных с НТР, с компьютеризацией СМИ и всех других сфер деятельности, не могла миновать и ДД. Прежде всего, на наш взгляд, перемены сказались на лексическом уровне языка дипломатии Ирака и других арабских стран. Всё более активную функцию приобретала функция познавательная, связанная с обогащением тезауруса специальной лексики, активно действующей в сфере накопления и передачи знаний от поколения к поколению. ЯСЦ стал обогащаться новыми, чаще всего заимствованными, терминами. Неология, как и заимствования из английского и французского языков, привела к вестер-

низации ДД во многих арабских странах. Иракский исследователь Латиф Валид Абдулла писал: «В процессе лексико-семантической ассимиляции многих английских заимствований происходит образное переосмысление, и в конечном счете иноязычные слова приобретают переносные значения как следствие их переносного употребления. Некоторые из этих переносных значений уже зафиксированы в современных словарях, например, истеблишмент (англ. establishment) – в значении "властвующая верхушка власти в англоязычных странах"; сэндвич (англ. sandwich) в значении "живая реклама, человек, который на груди и на спине носит рекламные плакаты"» [13, с. 9]. В арабском языке большинство букв имеет по 2, 3, и иногда 4 различных написания: для начала слова, для середины слова, для конца слова, и изредка – для отдельно стоящей буквы вне слова. Это затрудняет перевод терминов.

Регулирование словоупотребления в науке о языке и в ДД в частности было долгое время хаотичным, либерализация норм жизни и сегодня подталкивает коммуникаторов, особенно в сетевом общении, к формированию стандартов более разговорного языка, уходящего от канонов Корана, что объясняется задачами создания условий для успешной коммуникации как дипломатов, так и ученых, бизнесменов, специалистов в народном хозяйстве, других носителей языка, пользующихся профессиональным жаргоном, стихийно или намеренно создаваемой терминологией, языком для специальных целей и т.п., без чего невозможен прогресс. В то же время обилие неологизмов усложняет работу дипломатических служб. Многие сокращения, появившиеся в последние годы, остаются малопонятными для многих дипломатов. Даже такая популярная в РФ аббревиатура, как БРИКС (BRICS), т.е. пятерка ведущих развивающихся стран мира, остается загадкой на Ближнем Востоке. Система любого национального языка имеет множество подсистем, разные формы дискурсов, несхожие формы литературного и нелитературного существования, устоявшиеся функциональные стили и т.п. Язык ДД можно считать подстилем функционального стиля официально-делового общения, но при этом следует всегда учитывать взаимодополнительную, но не гармоничную двуединую природу ДД: имеется в виду стремление к адекватности и успешности диалога, с одной стороны, и невозможность для ДД быть полностью открытым коммуникативным актом, искренним коммуницированием – с другой. Достоверность аргументации в официальных документах, как было отмечено нами выше, не означает адекватности воссоздаваемого образа действительности, так как дипломатия, базируясь на верифицируемых фактах и конкретике доказательств, тем не менее отражает и эмоционально-субъективный подход к событиям, манипулятивные устремления и пиар-стратегии, что сближает ДД и МТ. Правда и точность деталей не являются гарантией истины в ДД, это отличает речевые жанры дипломатической коммуникации от более убедительных научных текстов. ДД, будучи частью более широких политических коммуникаций, не может не отражать, как зафиксировано в трудах названных выше авторов, стоящую за языковыми явлениями действительность, но в то же время тексты, составляющие основу ДД, могут служить пропагандистским целям властных структур в любой стране. В текстах дипломатов, как и в юридических текстах, язык не только служит целям поиска истины, но и является способом ухода от неудобной правды. Данное противоречие выражается и в ряде терминов ДД.

Терминосистема ДД противоречива. С одной стороны в ней много заимствований, сближающих термины арабской дипломатии с терминами западных стран [11], а с другой стороны, традиционные формулы официального арабского языка остаются базой коммуникативного процесса. Например, базовые термины ДД (дипломат, протокол, этикет, вето, консул, коммюнике и т.п.) употребляются в основном в интернациональном латинизированном варианте, а более специфические термины, жаргонная лексика, фессонализмы и т.п. остаются арабскими. Как известно, термин – это слово или словосочетание, точно и однозначно называющее понятие науки и раскрывающее его содержание в рамках определенной терминосистемы [12]. В основе термина лежит научно построенная дефиниция. Обладая строгим, четко очерченным значением, термин называет существенные признаки, необходимые для раскрытия обозначаемого им понятия, показывает общность данного понятия с другими, а также отличающие его специфические черты. Иракский исследователь Латиф Валид Абдулла подчеркивал, что изучение термина как языковой категории должно базироваться на единстве двух аспектов: классификационном и функциональном [13]. Эту мысль можно подтвердить следующим примером. Арабские термины вето, дипломатия, консул, протокол, этикет (لوكتور بلصنقيساموليدقيساموليدوتيف* تيكيتا) имеют следующие переводы в европейских языках:

английский язык: Veto, Diplomacy, Diplomat, Consul, Protocol, Etiquette;

французский язык: Veto, Diplomatie, Diplome, Consul, Protocole, Etiquette;

итальянский язык: Veto, Diplomazia, Diplome, Console, Protocollo, Etichetta;

русский язык: Вето, Дипломатия, Дипломат Консул, Протокол, Этикет;

шведский язык: Veto, Diplomati, Diplomat, Konsul, Protokoll, Etikett;

финский язык: Veto, Diplomatia, Diplomatti, Konsuli, Protokolla, Etiketti;

немецкий язык: Veto, Diplomatie, Diplomat, Konsul, Protokoll, Etikette [17, с. 379].

Исследовательница арабского ДД Хайфа Трабелси пишет об этом так: «Заимствованные слова дипломатии во французском языке в основном латинского происхождения, например: *chancelier, ministre, consul, note, declaration*. Состав дипломатической терминологии представляет собой совокупность лексических средств, употребляемых в специальной области человеческой деятельности. Она носит книжный характер, в то же время жанром документа определяется проникновение разговорных элементов. Словосочетания могут переводиться либо словосочетанием, напр., *casus belli* — «لاميسار 2 (فيلامسار)» [17, с. 376]. Можно наблюдать, что для арабского ДД весьма характерно явление синонимии, причем иногда она приводит к тесному сближению неблизких лексем, что чревато двусмысленностью на переговорах. В синонимические связи вступают слова разных стилистических пластов: *вето* (فحصقلا و تيف), а еще *этикет* (باداآفيللا تيكيتا) и др., отличающиеся сферой и частотностью употребления. Основным путем возникновения синонимии в дипломатической терминологии является создание арабских эквивалентов к заимствованным словам и сохранение арабизированного уже заимствованного слова. Наличие синонимических отношений между словами различного происхождения объясняется сближением арабской и европейской международной терми-

нологии. Вот ряд примеров, показывающих функционирование ДД в условиях интенсификации межкультурных связей.

АГРЕМАН (фр. *agrement* – согласие) – «согласие правительства, принимающего гос-ва на определенное лицо в качестве дипломатического представителя аккредитующего гос-ва. А. запрашивается только на глав дипломат. представительств, обычно через ведомство иностранных дел. При запросе А. сообщаются некоторые биографические сведения о лице, намеченном к назначению. После получения А. кандидат становится персоной грата; отрицательный ответ означает, что данное лицо считается персоной нон грата» [10, с. 12]. В английском языке «*agreement*» – «согласие страны принять предложенного кандидата в качестве дипломатического представителя» [7, с. 74]. В арабском языке *agreman* – موافقة الحكومة على قبول دبلوماسي [8, с. 19]. В данном термине арабский язык точно и адекватно отражает смысл международного понятия, связанного с лексическим полем «согласие» и обозначающим одну из процедур дипломатической практики.

Аналогично и терминологическое словосочетание «ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ВАЛИЗА» в русском языке обозначает «... (фр. *valise* – чемодан) закрытое и опечатанное сургучной печатью или опломбированное в установленном порядке вместилище, сумку, мешок, пакет, конверт и т.п.), имеющие видимые внешние знаки, указывающие на его характер. Каждая вализа составляет отдельное место и может доставляться как в сопровождении специально уполномоченных на это лиц, так и без сопровождения, через обычные каналы связи» [10, с. 308]. В английском языке сочетание *Diplomatic bag* обозначает то же самое, и термин в словарях на русский язык переводится как «дипломатическая вализа» [7, с. 57]. В арабском языке понятие *حقيبة دبلوماسية* [7, с. 57]. В арабском языке понятие *حقيبة دبلوماسية* тоже близко к термину «почта», «дипломатическая вализа» (собственный перевод), но оно более описательно, не так кратко, как в европейских языках.

Есть и более существенные различия. Например, в русском языке термин «протокол» означает «одно из наименований международных договоров. В форму протокола могут быть облечены важные многосторонние или двусторонние соглашения, напр.: «Женевский протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств 1925 г.», или «Советско-монгольский протокол о взаимопомощи от 12.III 1936 г.» [10, с. 433]. В английском языке «*protocol*» – это «протокол как вид международного соглашения. В арабском языке близким термином является *أصول المراسم والتشريفات*. В словаре В.М. Борисова [8, с. 143] читаем: *أصول المراسم والتشريفات* – протокол. Но даже графически видно, что перед нами словосочетание «протокол собрания». В дипломатии термин звучит как *أصول المراسم والتشريفات* и может означать «подразделение протокольной службы». Это пример нежелательной полисемии.

Характерны для арабской терминосистемы такие словосочетания, как *دون (составить протокол)*, *دون محضار (вести протокол)* и др. Эти словосочетания близки профессионализмам европейской дипломатии, но полного соответствия нет и здесь, так как и в данной ситуации сказываются разные этнокультурные традиции и формы ЯСЦ.

Приведем ещё один пример. В разных языках нет прямого соответствия в толкованиях термина *дуайен*. *Дуайен* дипломатического корпуса (французское *doyen* – старейшина) – это «глава дипломатического корпуса в стране пребывания, который

представляет всех аккредитованных дипломатов; он обладает высшим дипломатическим классом и раньше других дипломатических представителей аккредитовался в стране пребывания. Функции *дуайена* носят в значительной степени протокольный характер. Он выступает от имени дипкорпуса при передаче поздравлений или выражении соболезнований, возглавляет дипкорпус на протокольных мероприятиях, с согласия других глав миссий может вступать в переговоры с ведомством иностранных дел страны пребывания по вопросам дипломатических привилегий и иммунитета» [10, с. 43]. В арабском языке близким термином является лексема *سناعيم الأبر*, которая обозначает в первую очередь наиболее уважаемого руководителя или «неформального лидера», что напоминает о метафоризации и расширении значений многих терминов. Следует отметить, что целый ряд слов дипломатии в ДД, в том числе арабском, реализует метафорическое значение в составе фразеологизмов, например кредит доверия, т.е. «обеспеченный традицией авторитет органов власти, средств массовой информации и т.п.»; перетягивание каната, т.е. «стремление решить какой-л. вопрос в свою пользу». Таким образом взаимодействие и в то же время взаимоотталкивание разных языковых норм и лингвокультурологических традиций становится нормой словопотребления в современном арабском ДД. Отличаясь намеренно повышенным градусом вежливости и комплиментарности, арабский дипломатический подстиль официально-делового общения свидетельствует о наличии глубоких национально-культурных установок в ходе переговоров и других действий дипломатов. Стратегия, направленная на поиск компромисса, выгодного обеим сторонам, является сильной стороной арабских ДД. В то же время излишняя зависимость от западных образцов сегодня даёт о себе знать в каждодневной практике дипломатической службы.

Заключение

Знакомство с арабским ДД и анализ текстов, созданных в сфере дипломатической коммуникации, позволяют сделать вывод о специфике данного подстиля функционального стиля официально-делового общения с позиций лингвокультурологического сравнительного метода. Прежде всего, думается, что данный подстиль характеризуется повышенной степенью ритуальности в общении и унификации языковых паттернов. Противоречием ДД можно считать установку на создание позитивного имиджа «своего» государства в условиях, когда нужны уступки и баланс интересов разных сторон. Данный фактор определяет языковые особенности ДД: прагмалингвистическая направленность, клишированность, лапидарность, юридическая строгость, вежливо-толерантный слог, размытость пропозиций, синтаксическая усложненность официальных текстов, преобладание косвенно-оценочных суждений, склонность к повторам ключевой идеи, тяга к цифровой аргументации.

Рассматривая противоречия терминосистемы арабского ДД, следует ещё раз подчеркнуть влияние арабо-мусульманской культурной традиции на лексику и общестилевую декоративности на функционирование языковых единиц в дипломатических текстах, в частности, мы обратили внимание на наличие синонимии и заимствований, на метафоризацию как способ создания терминов и на появление множества сокращений в документах ДД. Сопоставление арабской терминологии с европейской показывает, что латинизированные корни французского языка стали базой и арабских терминов в ДД, причем неологизмы порождены, как правило,

заимствованиями номинативных единиц из западного дипломатического тезаурус [11, с. 76]. Дублеты в терминологии нередко ведут к ошибкам во время переговоров. Поэтому уточнение смысла слов, сравнение понятий в ДД разных стран считается

важнейшей стороной языковой деятельности переводчиков и дипломатов. Вместе с тем несомненной тенденцией последних лет в Ираке можно считать полемику с тенденцией к «американизации» языка дипломатии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аббас Джасим Хусейн. Средства массовой информации на международном уровне [Текст] / Аббас Джасим Хусейн. – Воронеж : ВГУ, 2011. – 58 с.
2. Авад Ахмед Мохамед. Особенности развития СМИ арабских стран в условиях глобализации на рубеже XX–XXI вв. : дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Авад Ахмед Мохамед. – М., 2003. – 128 с.
3. Аднан, А. Модус арабской ментальности как фактор восстановления исламской этнокультурной традиции: историко-культурологический аспект : автореферат дис. ... канд. филос. наук [Текст] / А. Аднан. – Тамбов, 2007. – 24 с.
4. Ажеж, К. Человек говорящий: вклад лингвистики в гуманитарные науки : пер. с фр. [Текст] / К. Ажеж. – 2-е изд., стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2006. – 120 с.
5. Ахмед, М.Ш. Язык русской дипломатии в арабском восприятии : дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / М. Ахмед. – М., 2007. – 185 с.
6. Баландина, Л.А. Язык дипломатии: традиции и современность [Текст] / Л.А. Баландина, Г.Ф. Кураченкова // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : материалы междунар. науч.-практ. интернет-конференции / отв. ред. В.Ю. Меликян. – Ростов н/Д : Ростиздат, 2011. – С. 6-15.
7. Большой англо-русский словарь [Текст] / под ред. Ю.Д. Апресян [и др.]. – М., 1993. – Т. 3.
8. Борисов, В.М. Русско-арабский словарь [Текст] / В.М. Борисов. – М., 1995. – 439 с.
9. Вебер, Е.А. Опыт лингвистического исследования когнитивного диссонанса в английском дипломатическом дискурсе : дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Е.А. Вебер. – Иркутск, 2004. – 213 с.
10. Дипломатический словарь [Текст]. – М., 1971. – Т. 1-3.
11. Загоровская, О.В. Сильные и слабые инновации в дипломатической лексике русского языка на рубеже XX–XXI вв. [Текст] / О.В. Загоровская, Насер Фалих М.Н. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 12-2 (30). – С. 75-77.
12. Загоровская, О.В. Термин и терминология [Текст] / О.В. Загоровская, Т.Н. Данькова. – Воронеж : Научная книга, 2011. – 146 с.
13. Латиф А. Валид. Типы и функции финансовых терминов современном русском языке (на материале современных российских печатных СМИ) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / Латиф А. Валид. – М., 2017. – 23 с.
14. Словарь политических терминов: для студентов всех специальностей и форм обучения [Текст] / сост. А.А. Лузан, А.В. Бородай, А.П. Кваша. – Краматорск : ДГМА, 2014. – 180 с.
15. Терентий, Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации [Текст] / Л.М. Терентий // Вопросы когнитивной лингвистики. – № 1. – 2010. – С. 47-57.
16. Терентий, Л.М. Интенциональная структура дипломатического дискурса : дисс. ... докт. филол. наук [Текст] / Л.М. Терентий. – М., 2016. – 342 с.
17. Трабелси, Х. Вопрос терминологии в арабском дипломатическом языке [Текст] / Х. Трабелси // European Applied Sciences. – Лейпциг, 2012. – С. 376–380.
18. Шарбатова, А. Литературный язык и диалекты в арабской художественной литературе [Текст] / А. Шарбатова // Народы Азии и Африки. – 1982. – №2. – С. 101-105.
19. Эль Сабрути Р.Р. К вопросу о функционировании современной арабской терминологии [Текст] / Эль Сабрути Р.Р. // Язык и культура. – 2016. – №3 (35). – С. 105-116.